

П. А. Лисовская

**МОТИВ «ПРОРОКА И ТОЛПЫ»
В РОМАНАХ П. У. ЭНКВИСТА**

Современный шведский классик Пер Улов Энквист (р. 1934) в полной мере относится к категории писателей, чье творчество состоит из повторяющихся ключевых мотивов и образов, к которым автор постоянно возвращается, решая философские и художественные вопросы. Пожалуй, творчество Энквиста можно сравнить с головоломкой-«пазлом»: необходимые для общей картины фрагменты разбросаны и пока разъединены, но стремятся встать на свои места в общей структуре. Собираание этих фрагментов представляет собой интересную задачу и для читателя, и для исследователя, в том числе и потому, что от романа к роману «хронотоп» произведений Энквиста, как правило, резко удаляется. Кроме того, сам творческий метод автора, с его склонностью к документализму будто подталкивает нас к поиску общего знаменателя и структуры авторского замысла.

Один из важнейших мотивов в творчестве Энквиста — это «пророк и толпа». Он есть в большинстве романов и реализуется в образах разных персонажей. Первым в этом ряду стоит герой романа «Пятая зима магнетизера» (1964) Фридрих Мейснер, затем следует фигура Иоганна Фридриха Струэнсе в «Визите лейб-медика» (1999), и, наконец, это Леви Петрус и Свен Лидман в «Путешествии Леви» (2001). Кроме того, мотив «пророка и толпы» есть в других произведениях автора: в романах «Марш музыкантов» (1978) и «Библиотека капитана Немо» (1991), в повести «Низверженный ангел» (1985). Мотив «пророка и толпы» или «неузнанного гения и

черни» — один из наиболее плодотворных во всей европейской литературе прежде всего благодаря реализации в важнейшем тексте иудео-европейской цивилизации — Новом Завете. Старо- и новозаветные аллюзии в современной художественной литературе — это неисчерпаемое поле для исследования. И такое исследование тем более актуально в отношении Пера Улова Энквиста, так как он неоднократно заявлял о том, что не верит в Бога. Тем не менее совершенно очевидно, что вопрос о возможности воплощения Бога в человеке или становления человека в позицию, позволяющую ему действовать как Богу в отношении других, чрезвычайно занимает этого писателя, выросшего в строгой протестантской среде на севере Швеции. Именно редконаселенный пиетистский Норрланд стал в начале XX в. плодотворной почвой для развития как независимых христианских движений, так и социал-демократической партии и профсоюзов, ставших впоследствии основой шведской общественной модели.

На Энквиста как человека и писателя оказала большое влияние среда, в которой прошло его детство. Известно, что мать писателя Мария или Майя, которой он посвятил свой роман об основателе движения пятидесятников Леви Петрусе, была очень религиозной. Впоследствии Энквист, как в юности, так и в более зрелом возрасте, стремился освободиться от пут пиетизма. Однако этот заочный спор с матерью о вере и атеизме, как ни парадоксально, вылился в то, что последняя сцена романа о Петрусе, сцена смерти Майи, это в определенном смысле идеологическое примирение сына с ней.

Амбивалентность позиции писателя в отношении христианской религии хорошо выразила Эва Экселиус: «Бог умер, но пройдет еще слишком много времени, прежде чем свет, исходящий от него, успеет погаснуть! Вера в Бога ушла, но ощущение его присутствия отказывается нас отпустить. Кажется, будто Его отсутствие настолько же ощутимое и определяющее, как и Его присутствие»¹. Не скрывает этой двойственности и сам писатель. В рассказе о замысле романа «Визит лейб-медика», в основе которого заложен конфликт между радикализмом и пиетизмом в эпоху Просвещения, Энквист замечает: «В дальнейшем можно увидеть и то, как религиозный радикализм привел к зарождению современного общества. *Вольтер, например, был глубоко верующим человеком. Но он ненавидел церковь*» (курсив мой. — П.Л.)².

Возможно, приведенное высказывание отчасти объясняет тот факт, что неоднократно пересказанная история Сына человеческого и есть тот главный «камень», на котором строятся здания романов Энквиста. Каким же образом Энквист подходит к разработке сюжетов, которые можно охарактеризовать как модификации новозаветного предания? Прежде всего — это перенос функций, атрибутов, эпизодов из жизни персонажа, которые могут прочитываться как прямые или косвенные аллюзии на историю Христа. В раннем романе «Пятая зима магнетизера» таких признаков очень много. Вся история может трактоваться как вариация на тему жизни Иисуса, но ложного Иисуса, такого, который оставляет людям выбор, во что им верить: «Он дал им возможность выбора между Богом и им самим, и поскольку Бог явно предпочитал мертвых свиней живым, это был правильный выбор...»³. В этом романе евангельские аллюзии многочисленны: первая сцена избияния и пыток магнетизера обманутыми крестьянами соответствует издевательствам толпы над Христом, убежище в пещере — прямая аллюзия на убежище святого семейства, а въезд героя на рассвете в город Зеэфонд, где разворачиваются основные события романа, — аллюзия на въезд Христа в Иерусалим. Кроме того, рядом с магнетизером две преданные женщины, готовые следовать за ним, несмотря на лишения и унижения, как те, что сопровождали Христа в его последнем земном пути. Наконец обстоятельства суда над Мейснером поражают своим сходством с судом Пилата.

О причине постоянного присутствия образа Спасителя в литературе Нового времени сказано следующее: «... образ Иисуса важен, потому что всегда предполагает какой-то рассказ. Власть и сила этого рассказа обусловлены его нарративной структурой»⁴. Таким образом, неважно, что использующий эту историю в своем произведении писатель называет себя, как Энквист, неверующим человеком. Затрагивается гораздо более глубокий пласт человеческого бытия, связанный с базовыми архетипами нашего сознания. По мнению Хэла Чайлдса, «Иисус Христос вот уже две тысячи лет представляет собой архетип жизни как таковой в нашем сознании»⁵. И следовательно, этот образ имеет непосредственное отношение к образу самого себя в сознании каждого человека, и его восприятию мира, добра и зла.

Представляется, что вопрос, на который ищет ответ в своем творчестве П. У. Энквист, — это: «Что такое человек?». В поисках

ответа писатель решил воспользоваться историей о лучшем из людей, победившем смерть и давшем надежду на лучшую жизнь не узнавшей его толпе.

Еще один неузнанный пророк у Энквиста — это Струэнсе в романе «Визит лейб-медика». В отличие от магнетизера он — настоящий врач и просветитель. История лейб-медика при датском дворе в изображении Энквиста — это щемящее душу повествование о добре, любви и смерти выдающейся личности, на много лет опередившей свое время, непонятой современниками и погибшей при попустительстве толпы. Однако эта толпа не кричит: «Распни его!», а расходится при виде бесчеловечной казни. В образе Струэнсе обыгрывается уникальная двойственность природы Христа. Автор подчеркивает, что Струэнсе при всей его прогрессивности — сын человеческий. Он телесен, и это во многом становится причиной гибели реформатора. Мы узнаем, что он не боится смерти, но боится боли, он также не может противостоять и силе чувственной любви. В эпилоге автор последовательно старается показать, что наследие Струэнсе — аналогия евангельского «Слова», продолжает земной путь, найдя телесное воплощение: в жилах наследников многих царствующих домов Европы течет частичка крови казненного, как Христос, пришедшего к народу Дании с кратким визитом.

Если романы «Пятая зима магнетизера» и «Визит лейб-медика» можно отнести к историям, в которых евангельский миф реализуется последовательно, то в ряде других произведений Энквист использует лишь некоторые его мотивы. Роман «Марш музыкантов» разрабатывает тему зарождения профсоюзного движения в Швеции в начале XX в., и его действие разворачивается в родных краях писателя. Можно выделить два типа романов Энквиста: те, где действие происходит не в Швеции, и те, где действие происходит на малой родине автора. «Марш музыкантов» — это отправной пункт проекта Энквиста, посвященного истории Швеции в XX в. Название романа отсылает нас к сказке о бременских музыкантах. В романе рефреном повторяется фраза из сказки братьев Гримм: «*Det gives alltid något bättre än döden*»⁶. Таким образом, проводится параллель между отважными животными и не сдавшимися, несмотря на голод и лишения, жителями Бюрео, выбравшими в итоге эмиграцию. В романе действуют персонажи, и есть мотивы, которые вновь появятся в романах «Библиотека капитана Немо» и «Путешествие

Леви». Но для нас интересна прежде всего сюжетная линия, связанная с фигурой агитатора Эльмблада, приехавшего из Стокгольма, чтобы пропагандировать социал-демократические идеи очень религиозным и косным норрландским лесорубам. Агитатор — тот же пророк, его задача изменить привычные представления людей и указать новый путь. Наиболее важна сцена встречи Эльмблада с рабочими. Как опасного чужака-социалиста, они избивали его до полусмерти, грозили оскотлением, затем привязали к сосне, а не к стулу (как сделали крестьяне с магнетизером в другом романе Энквиста, и то, и другое — аллюзия на распятие). В результате Эльмблад, глядя с парохода на изгнавшую его толпу, вынужден смириться с горькой мыслью: «И это были не полицейские. Это не капиталисты и не буржуи. Нет, толпа на пирсе — рабочие»⁷. Он про себя называет их «чертовыми набожными работягами»⁸. Эльмблад сам далеко не безупречен, он лучше и принципиальней, чем магнетизер, но слабее и менее уверен в своей правоте, чем Струэнсе. Кроме того, он слаб физически, страдает нездоровой полнотой и болезнью почек. Но и этот герой — вариация на тему евангельского сюжета о Спасителе рода человеческого. В прологе местный мальчишка Никанор Маркстрем видит незнакомца, который, сняв ботинки, удит на мостках рыбу и при этом держит червей для наживки во рту. Мальчик от удивления решил, что мужчина может съесть червяка. Это кажется ребенку настоящим «евангельским» чудом, и он решает, что перед ним сверхчеловек. Впоследствии он вместе с Эльмбладом разносит листовки, но потом помогает рабочим поймать агитатора, а под конец тоже попадает к ним в руки, и его мучают. Эта история — прозрачная аллюзия на отношения Христа с Петром, предательство апостола, и его преданность после казни Христа. Никанор становится в итоге «апостолом» социал-демократии. Кроме того, сцена рыбной ловли наводит на мысль о первой встрече Иисуса с будущим апостолом Петром. Эльмблад, пережив тяжелые испытания, становится воплощением того типа веры, который требует полной самоотдачи и самопожертвования. Другие два типа веры у Энквиста, это безоговорочная вера в Бога (как у многих норрландских героинь) и наконец нигилизм и безверие, скрытые за умерщвлением плоти и догматизмом (как у губителя Струэнсе Гульберга). Таким образом, евангельский сюжет причудливо реализуется у Энквиста в далекой от евангельских смыслов среде на рубеже XIX–XX вв. Хэл Чайлдс замечает об этом яв-

лении в литературе Нового времени: «Сакральная сила и ценность <...> Библии исчезли из их текстов, но были затем перенесены на историю и историческое сознание»⁹.

В следующем романе Энkvиста о Норрланде «Библиотека капитана Немо» мы сталкиваемся с мотивом воскрешения из мертвых, кроме того, в нем есть и аллюзии на детство Христа и Иоанна Крестителя. Евангельские аллюзии и здесь не лежат на поверхности, как другие интертексты, вынесенные и в «Отъезде музыкантов», и в «Библиотеке капитана Немо» в заглавие. Капитан Немо и его подводный корабль незримо присутствуют в сознании главного героя, мальчика, которого при рождении подменили в роддоме, но затем в возрасте шести лет вернули настоящей матери. Эту художественную стратегию можно соотнести с той, что используется в романе о магнетизере: в сознании Мейснера постоянно идет этический диалог с Парацельсом. И капитан Немо с его библиотекой, и Парацельс — это высшие духовные авторитеты для героев, они в обоих случаях словно выполняют роль Бога-отца или Завета. Только в одном романе речь идет о взрослом человеке, в другом — о подростке. Параллельно в сознании главного героя его жизнь соотносится с жизнью Сына человеческого.

Герой живет в одной семье с братом-подменным по имени Йоханнес и приемной сестрой Эвой-Лисой. Девочка забеременела от соседа, скрывала это, но Йоханнес предательски выдал ее, и Эва-Лиса умерла от родов, при которых присутствовал ее второй сводный брат. Он молился о ее воскрешении, и Эва-Лиса вернулась к нему в теле кошки. В сознании ребенка это не чудо, а результат мученической смерти и молитв. «Воскреснуть из мертвых <...> человек вполне способен на это сам, причем в своей земной жизни»¹⁰. Подобное происходит и в «Пятой зиме магнетизера»: доктор Зелингер перестает лечить тяжело заболевшую жену и начинает молиться, сначала женщине становится хуже, но в итоге она поправляется. После воскрешения Эвы-Лисы романному «я» видится мертвое тело брата Йоханнеса. Получается, что он был двойником, темной стороной своего брата-подменного или фигурой-перевертышем, ложным Крестителем. В итоге в романе читается карамазовский мотив двойничества, что подтверждается и именем Йоханнес (Иван), и наличием униженной женщины-жертвы. «Библиотека капитана Немо» — одно из наиболее лиричных произведений Энkvиста, в котором он экспериментирует с раз-

личными нарративными планами. Мотив оппонирующей пророку толпы в нем не реализуется. Однако евангельская заряженность текста очень велика, а образ Христа отличается большой метафизичностью.

Мотив двойничества, как и образ Христа, играет важнейшую роль и в фундаментальном произведении Энквиста об истории Швеции, художественном эпосе «Путешествие Леви». Здесь собраны все фрагменты головоломки, разбросанные по предыдущим романам и драмам. В романе собираются вместе не только мотивы и тропы из других произведений, но также персонажи или их потомки. Роман допускает разные модусы толкования. Например, его можно прочесть как итоговое художественное обобщение вопросов, ответы на которые автор искал на протяжении тридцати с лишним лет.

Как и в «Библиотеке капитана Немо», здесь идет речь о двух персонажах, чьи жизни идут параллельно и в ключевой момент пересекаются. Возможно в большей степени, чем Леви Петрус (1884–1974), героем романа является шведский писатель, а затем главный проповедник созданной Леви церкви Свен Лидман (1882–1960). Энквист построил роман так, что Петрус и Лидман действуют как половинки одного целого, где достоинства и слабости одного компенсируются наличием или отсутствием их у другого. Будучи людьми из контрастных социальных слоев, они притягиваются друг к другу. Затем их пути расходятся. В романе описывается уже не период инициации персонажей, а, если пользоваться социально-психологическим термином, период индивидуализации. И здесь именно путь Христа становится тем стандартом, по которому оцениваются Петрус и Лидман. Еще К. Г. Юнг интерпретировал Христа, как символ индивидуализации человека, экзистенциальной и психологической интерпретации личности, и высказал предположение, что и Иисус прошел процесс своей собственной индивидуализации¹¹. Энквист показывает путь формирования личностей и Петруса, и Лидмана. Оба проходят через определенные испытания на пути к признанию их толпой, их вера подвергается сомнению, потом следует триумф воздействия на паству, затем фиаско. Интересно, что в этом случае показаны одновременно два пророка, обращающихся к одной толпе. Поэтому основной интерес связан не столько с особенностями толпы, а с личностями тех, кто проповедует.

Представляется, что автору ярче удался образ Свена Лидмана, карьериста и лжепророка, чем в целом однозначного, «человека-скалы», Леви Петруса. Кстати, Энквист остается верен себе и играет в тексте с именами героев: например, Лидман — «человек страдающий» (от шведского *lida* — «страдать», намек на страсти Христовы). Можно вспомнить здесь вымышленного героя повести «Низверженный ангел» Паскаля Пинона, где имя в переводе с французского означает «пасхальный», а фамилия может быть прочитана снова как «человек страданий» (от шведского *ripa* «мучить, мука»).

В рассказе о молодых годах Лидмана главный сюжет — любовная связь с замужней женщиной по имени Марго, которую он предает, заставив сделать аборт. Эта линия в романе прорисована наиболее драматично. Имя героини — аллюзия на погубленную Фаустом Гретхен. Одна из лучших сцен в романе — последняя встреча Лидмана с бывшей любовницей, которая, прослышав о его славе проповедника, приходит послушать его в церковь. Марго обвиняет Лидмана в том, что он лжепророк и манипулирует толпами простых женщин, влюбленных в него: «Ты всегда был обманщиком, вот и терновый венец нацепил»¹². Во время их диалога красной нитью проходит параллель с сюжетом о Магдалине: «Вы же здесь свидетельствуете? (о встрече с Богом. — П. Л.) <... > А ведь маленькая шлюха Мария Магдалина тоже могла бы рассказать о своей связи с Иисусом?»¹³. Известно, что Фауст может быть интерпретирован как лже-Иисус. Как и Фауст, Лидман терпит в жизни полный моральный крах: его последнее в жизни слово — «фиаско».

Что касается Леви, то автор с самого начала эксплицитно ставит перед собой задачу показать на его примере, что делает человека успешным лидером радикального — здесь религиозного — движения, т. е. природу власти вообще. Роман открывается рассказом о похоронах Эфраима Маркстрема, потомка Никанора Маркстрема из «Отъезда музыкантов», который стал своеобразным евангелистом Леви Петруса, он — автор его «жития» под названием «*Lebenslauf*». Энквист складывает кусочки головоломки: Маркстрема хоронят в Дании, на земле, принадлежавшей общине герригутов, которых касался последний изданный Фридрихом Струэнсе указ. Так на кладбище встречаются герои разных романов Энквиста: автор подает Петруса на фоне фигуры Струэнсе, а человек

из семьи Маркстрем играет роль критичного человека из толпы, которую вновь повела за собой сильная личность.

В заключительной части романа автор объясняет свое видение связи между фигурами Струэнсе и Леви Петруса, а также их оппонентами Гульбергом и Лидманом. Струэнсе, как Иисус, в отличие от Петруса был политически наивен и не умел выбирать себе врагов, что в итоге и погубило обоих. Петрус же сначала «возлюбил» Свена Лидмана, потому что так велел ему Господь, а когда понял, опять же по велению свыше, что этот «высокородный хлыщ» не подходит ему на роль носителя Слова, вытеснил его из общины. К концу романа Энквист предлагает вывод: «Если ранее Леви в той или иной мере был для движения пятидесятников кем-то вроде Струэнсе, то теперь он все больше походил на противника последнего, Уве Гульберга, пиетиста с жесткой хваткой <...> Как будто бы Струэнсе и Гульберг слились в одно и воплотились в Леви. Поделили его между собой»¹⁴.

Представляется, что такое видение истории и роли личности в ней — это развитие архетипной структуры, заложенной в нашей культуре христианским мифом. А используемый Энквистом способ фрагментаризации и ахронизации повествования наводит на мысль о четырех Евангелиях. Романы Энквиста тоже рассказывают об одном и том же событии, отличаются только деталями.

Вывод Энквиста о сущности человека достаточно пессимистичен, потому что у истинного пророка шансов выжить почти нет. Однако идеи добра, справедливости и братской любви все же выживают благодаря тем, кто сам принимает жизненные решения и не поддается обману лжепророков.

¹ *Exelius Eva*. Andas fram mitt ansikte. Om den mytiska strukturen hos P. O. Enquist. Stockholm, 1996. S. 160.

² *Karlsson Lena*. Liv, dröm, dikt. Möten med 34 svenska författare. Stockholm, 2007. S. 109.

³ *Enquist P. O*. Magnetisörens femte vinter. Stockholm, 1964. S. 17.

⁴ *Childs Hal*. The Myth of the Historical Jesus and the Evolution of Consciousness. Atlanta, 2000. P. 221.

⁵ *Ibid*. P. 213.

⁶ *Enquist P. O*. Musikanternas uttåg. Stockholm, 1978. S. 64.

⁷ *Ibid*. S. 25.

⁸ *Ibid*. S. 23.

⁹ *Childs Hal*. The Myth of the Historical Jesus... P. 249.

¹⁰ *Enquist P. O*. Kapten Nemos bibliotek. Stockholm, 1991. S. 249.

¹¹ *Childs Hal.* The Myth of the Historical Jesus... P. 205.

¹² *Enquist P. O.* Lewis resa. Stockholm, 2001. P. 451.

¹³ *Ibid.* S. 452.

¹⁴ *Ibid.* S. 522.

Polina Lisovskaya

THE MOTIVE OF "THE PROPHET AND THE MOB" IN THE NOVELS BY
PER OLOV ENQUIST

The article deals with the subject of "the prophet and the mob" in the oeuvre of modern Swedish classic Per Olov Enquist. The main foci are his major novels "The Magnetist's Fifth Winter", "The March of the Musicians", "Captain Nomo's Library", "The Visit of the Royal Physician", "Lewi's Journey". The conclusion is made that the author discreetly makes use of the image of Christ and Gospel structure to promote his vision of history and human nature in the novels in question.